

Как всем совершенно очевидно

Космический корабль "Дружба" - первый звездолет планеты Земля, посланный для установления контакта с иной цивилизацией - заходил на посадку. Позади были мучительно долгие три года полета, которые тридцать членов экипажа провели в замкнутом объеме не столь уж просторных отсеков, без всяких контактов с остальным человечеством (ибо, хотя гипердвигатель и стал реальностью, гиперсвязь оставалась недостижимой мечтой фантастов), зато практически все время оставаясь на виду и в обществе друг друга - что, несмотря на тщательный предполетный отбор, не всегда было просто, и порою лишь профессионализм двух корабельных психологов спасал от серьезных конфликтов и нервных срывов. Но теперь весь этот долгий путь был позади, и настроение у астронавтов, собравшихся в кают-компанию "Дружбы", было самым приподнятым. Пройдут считанные минуты - и они, посланцы человечества, впервые в истории вступят в контакт с братьями по разуму!

Собственно, в определенном смысле этот контакт уже состоялся. В чрезвычайно ответственный момент посадки, когда любая ошибка могла не только погубить земную миссию, но и нанести непредумышленный ущерб принимающей стороне, никто из экипажа не остался в рубке - по той простой причине, что на "Дружбе" не было рубки как таковой, как не было и пилотов в составе команды. Весь полет проходил под управлением компьютеров, в том числе и финальная его часть - с той только разницей, что теперь это были компьютеры двух цивилизаций, благополучно установившие связь между собой при приближении "Дружбы" к планете благодаря кодам, содержавшимся в Послании. Теперь диспетчерский компьютер инопланетян уверенно вел земной корабль на посадку, сняв последний возможный повод для беспокойства.

И все же кибернетик Штрауб задумчиво покусывал губу, словно не разделяя общего воодушевления, царившего в кают-компании - и этот рефлекторный жест не укрылся от внимания психолога Гольдони.

- Компьютеры работают безупречно, ведь так? - ободряюще улыбнулся Штраубу психолог.

- Компьютеры меня как раз не беспокоят, - ответил тот. - Меня беспокоят люди... или их аналоги.

- Нет никаких оснований сомневаться в дружелюбии селестиан, - строго возразил глава дипломатов Лефруа. - Теперь уже нет сомнений, что мы правильно расшифровали Послание.

Название "селестиане" было, конечно, условным. Послание - радиопередача из космоса, принятая на Земле - представляло собой оцифрованный текст и, хотя и содержало достаточно информации для расшифровки языка инопланетян (по крайней мере, в той мере, в какой это позволяло понять смысл Послания), не давало ни малейшего представления, как он звучит (и воспроизводим ли он вообще для человеческого речевого аппарата). Название родного мира братьев по разуму состояло из семи знаков, из которых первый совпадал с пятым, а второй с четвертым - так что слово "Селеста" годилось не хуже любого другого. (Само собой, после установления непосредственного контакта его следовало сменить на правильное - или, по крайней мере, на его наиболее произносимый аналог.) Помимо астрономических и физических сведений об этой планете (представлявшей собой водно-кислородный мир, похожий на Землю), Послание содержало представление и об этике его отправителей. "Нет ничего ценнее, чем жизни разумных существ", - считали они, причем полагали этот принцип столь незыблемой аксиомой, что поместили его, вместе с математическими, физическими и химическими формулами, в ту часть Послания, которая должна была помочь в расшифровке всего остального. Всякую цивилизацию, которая разделяет этот принцип и, таким образом, справится с расшифровкой,

селестиане приглашали присылать к ним представителей своего мира для взаимовыгодного обмена научной информацией.

Во всяком случае, таким был официальный перевод, хотя, как водится, находились маргиналы, подвергавшие сомнению его правильность или же прямо заявлявшие, что коварные инопланетяне заманивают людей в ловушку. В ответ ведущие земные социологи терпеливо объясняли, что звездные войны - это безграмотная фантастика прошлых веков, что любая цивилизация, не сумевшая обуздать собственную агрессивность, неминуемо уничтожит себя прежде, чем сможет причинить вред соседям по космосу, что в практическом плане любой межзвездный конфликт потребует, в буквальном смысле, астрономических затрат, которые в принципе невозможно окупить никакими потенциальными трофеями, что любые ресурсы на много порядков дешевле добывать в собственной системе, и что единственной формой взаимодействия между цивилизациями, способной принести выгоду, является именно научное сотрудничество. Маргиналов все это, понятно, не убедило, но на то они и маргиналы, чтобы быть всегда против и всегда в меньшинстве. Высказывались, впрочем, опасения и более разумные. Земные корабли к этому времени уже успели обследовать планеты нескольких ближайших звездных систем (увы, не найдя там никаких следов жизни), но теперь лететь предстояло на порядок дальше. "Дружба" должна была к тому же стать и самым большим звездолетом в истории с самой многочисленной командой. Не подведет ли техника, выдержит ли экипаж?

Техника не подвела, и люди, в общем и целом, тоже - как-никак, для миссии такой важности отобрали лучших из лучших, призванных самым достойным образом представить человечество. И вот теперь до посадки оставались считанные минуты, компьютеры взаимодействовали безупречно, и приборы звездолета подтверждали соответствие параметров планеты сведениям, содержавшимся в Послании.

- И все же я не понимаю, почему они не вышли с нами на связь, - сказал Штрауб. - В смысле - сами селестиане. Только компьютер.

- Видимо, таков их протокол, - ответил Лефруа. - Официальное приветствие должно происходить в торжественной обстановке, при встрече лицом к лицу, а не по радио. Собственно, и на Земле тоже все дипломатические мероприятия проходят после посадки, а не пока прибывающая делегация еще в воздухе.

- Наверное, - не стал спорить Штрауб. - Но меня смущает то, что до сих пор все сведения о селестианах мы черпали из Послания, отправленного полтора века назад. Кто знает, что тут могло измениться за это время. Не получится ли так, что тогда тут были рады гостям, а теперь - уже нет?

- Тогда бы нам не дали добро на посадку, - возразил капитан Хок.

- Может, и дали бы - чтобы допросить с пристрастием, - проворчал Штрауб.

- Мы и так прибыли, чтобы обмениваться информацией. И они должны понимать, что сотрудничеством добьются больше, чем насилием, - ответил Лефруа. - В любом случае, подобные опасности обсуждались еще на Земле, однако вы сами захотели лететь.

- Просто я ожидал от них... несколько большего дружелюбия, - произнес Штрауб все так же ворчливо. - Что они добавят к цифрам курса хоть какое-нибудь "Добро пожаловать!"

- Возможно, с их точки зрения это как раз и есть высшая форма дружелюбия, - заметила культуролог Сташевска. - То, что они впускают нас, как своих, без лишних церемоний.

- А кроме того, - добавил Хок, - мы приняли их Послание, отправленное полтора века назад, и не знаем, когда они отправили самое первое. Возможно, мы далеко не первые, кто откликнулся за все это время, и для них такие визиты уже превратились, в некотором роде, в рутину.

- Они могли бы хотя бы послать нам свое изображение, чтобы мы знали, как они выглядят, - заметила биолог Танаюки. - Во избежание... недоразумений.

Послание не содержало никакой информации о внешности селестиан. Ясно было только, что они обитают "на поверхности планеты", то есть, по всей видимости, являются сухопутным видом. На сушу вела и посадочная траектория, предложенная их компьютером.

- Тут как раз понятно, - возразил Штрауб. - Мы не знаем, как они кодируют изображения, и могли бы интерпретировать видеосигналы неверно, что как раз и привело бы к недоразумениям.

- Главное для предотвращения недоразумений - избегать любых действий, которые могут быть приняты за агрессию или нежелание сотрудничать, - напомнил Лефруа. - Мы даже не должны улыбаться - во всяком случае, широко, показывая зубы, потому что это походит на оскал. И не отмахиваться от насекомых, если они вдруг появятся. Потому что это могут оказаться вовсе не насекомые.

- Разумные существа не могут иметь настолько маленький мозг - возразила Танаюки.

- Сами по себе, наверное, нет, но это может быть что-то дистанционно управляемое, - пояснил Лефруа.

- И мы должны стоять и терпеть укусы инопланетных комаров? - усмехнулся Штрауб.

- Да, - твердо ответил Лефруа. - Возможно, им необходима наша кровь для анализа. Конечно, с нашей точки зрения брать такой анализ без спросу не слишком вежливо, но это может быть продиктовано нашей же безопасностью. Это может быть не только анализ, но и прививки против каких-то местных микроорганизмов.

- Нельзя проводить вакцинацию, имея дело с совершенно неизвестным видом с неизученной иммунной системой, - возразила врач Рагнарсдоуттир. - Так гораздо больше вероятность навредить, чем помочь.

- Они нам не навредят, - твердо заявил Лефруа. - Не для этого они нас сюда звали через столько световых лет. Помните, их принцип - "нет ничего ценнее разумной жизни!"

Корабль прошел густую облачность, скрывавшую большую часть поверхности планеты, и благополучно приземлился там, где указал инопланетный компьютер - на круглой гладкой площадке посреди идеально ровного плато, скорее искусственного, чем естественного. Едва смолкли двигатели, как по периметру площадки выступили, поднимаясь, две округлые стены и сомкнулись куполом над звездолетом, словно доли листа венецианской мухоловки, поймавшей добычу.

- Логично, - прокомментировала Танаюки, - наши микроорганизмы могут представлять еще большую опасность для местной биосферы, чем их - для нас. Так что карантинные меры необходимы.

Больше, однако, ничего не происходило. После того как диспетчерский компьютер исполнил свою роль, хозяева больше не выходили на связь с гостями и не считали нужным пояснить им происходящее, очевидно, полагая, что тем и так понятна необходимость карантинной изоляции. Никакая встречающая делегация, хотя бы даже и в скафандрах, тоже не появлялась.

- Видимо, они ждут первого шага от нас, - констатировал Лефруа. - В принципе, это понятно. Мы-то о них знаем хотя бы то, что было в Послании, а они о нас - вообще ничего.

Приборы корабля закончили анализ воздуха под куполом и не обнаружили ни химических, ни биологических, ни иных угроз для человека. Температура и влажность были несколько выше комфортных для большинства землян, напоминая тропические джунгли, зато кислорода было больше, чем на Земле, а уровень фоновой радиации - ниже. Так что решено было выходить без скафандров и в легкой одежде, дабы продемонстрировать хозяевам открытость землян и заодно дать первое представление о человеческой анатомии.

Один за другим астронавты спустились по трапу на поверхность посадочной площадки и выстроились в два ряда перед стеной, преграждавшей дальнейший путь. От этой стены - внутренней поверхности купола - исходил ровный белый свет, пожалуй, чересчур яркий, чтобы

быть комфортным для человеческого глаза. Поскольку он шел со всех сторон, то не оставлял теней. По внутренней поверхности купола тянулись толстые прожилки, пересекавшиеся друг с другом; своим внешним видом они напоминали нечто органическое, вроде кровеносных сосудов, а своей слишком правильной регулярностью - механическое, вроде трубок поливальной установки. Вновь не дождавшись никакой реакции от принимающей стороны, Лефруа выступил вперед и хорошо поставленным голосом начал читать утвержденную еще на Земле речь:

- Дорогие братья по разуму! Мы счастливы приветствовать вас от имени цивилизации планеты Земля! В этот торжественный час, когда исполняется заветная мечта многих поколений землян...

Само собой, поскольку он не знал селестианского произношения (да и количество слов, содержащихся в Послании, было не слишком велико), дипломат вещал на английском - то есть на языке, о котором его потенциальная аудитория пока что не имела ни малейшего представления. Но было вполне очевидно, что историческая речь записывается, и позже, получив в свое распоряжение доставленные на "Дружбе" учебные материалы, селестиане переведут и поймут ее. Остальные звездолетчики поначалу стояли с самым возвышенным выражением лиц, стараясь соответствовать моменту, но вскоре кое-кто из них - в особенности из числа ученых, а не дипломатов - начал откровенно скучать от слишком патетических фраз.

Наконец Лефруа произнес последнюю фразу - это была прямая цитата из Послания: "Ибо нет во Вселенной ничего ценнее, чем жизни разумных существ!" - и замолк, выжидательно глядя на непрозрачную светящуюся стену перед собой.

На сей раз реакция все же последовала. По прожилкам купола побежала ритмичная пульсация, и в местах их пересечений, находившихся над головами землян, начали набухать какие-то тугие комки наподобие почек. Вскоре эти почки превратились в гигантские бутоны.

- Нас что, приветствуют цветами? - пробормотала Сташевска.

Бутоны, числом ровно тридцать, все одновременно раскрылись. То, что было внутри, не очень походило на цветы - во всяком случае, в земном понимании. Это были тугие жгуты свернутых кольчатых щупалец, которые принялись быстро раскручиваться, вытягиваясь во всю длину, пока не замерли перед каждым из землян, почти касаясь острыми кончиками его или ее лица.

- Не хотите же вы сказать, что это и есть... - пробормотал Хок.

- Это не живые организмы, - покачала головой Танаюки, всматриваясь в раскрывшийся перед ней бутон. - Скорее, бионические механизмы...

- Мы счастливы приветствовать... - снова произнес Лефруа. Похоже, он был готов повторить свою речь сначала на тот случай, если хозяева (или же управляемые ими машины) прибыли только сейчас.

Однако сделать это он не успел. Щупальца стремительно обвили вокруг его рук и ног, лишая его возможности двигаться. Полсекунды спустя то же самое произошло и со всеми остальными астронавтами.

- Только спокойно! - воскликнул Лефруа. - Никакой агрессии!

Щупальца подняли его в воздух.

- Вероятно, это форма приветствия, - уверенным тоном продолжал дипломат. - Что-то вроде нашего рукопожатия... или, скорее, дружеских объятий...

Четыре щупальца растянули его конечности в стороны, а затем еще одно, испустив лазерный луч, аккуратно и симметрично разрезало его тело от макушки до промежности.

* * *

Возвращение "Дружбы" стало, разумеется, новостью №1 на всех земных каналах. Даже "Голос Ватикана" отрапортовал, что звездолет вышел из гиперпространства в расчетной точке,

успешно установил связь с диспетчерским компьютером в Хьюстоне и теперь направляется к Земле. Вернулся он даже несколько раньше, чем ожидалось, но точные сроки завершения миссии не оговаривались заранее - все понимали, что это зависит от программы, которую предложит гостям принимающая сторона. Но по расчетам выходило, что несколько недель на Селесте корабль таки пробыл - а стало быть, его миссия все же была успешной (возможно даже - очень успешной, раз взаимопонимание удалось наладить настолько быстро).

Смущало только одно - никто из экипажа не выходил на связь. Бортовой компьютер рапортовал об исправности всех систем, но никто из людей на запросы с Земли не реагировал.

Поначалу тревожную новость попытались придержать, но она быстро распространилась по Сети. В итоге церемонию торжественной встречи решено было отменить. Корабль посадили на изолированном полигоне посреди пустыни Мохаве и снова накрыли герметичным куполом (на сей раз - надувным и прозрачным). Первоначальная программа полета не предусматривала карантина после возвращения, ибо три года обратного пути уже должны были послужить таковым (если бы только врачи и биологи экспедиции не стали настаивать на обратном) - но теперь ситуация изменилась. Место посадки окружили машины экстренных служб и, на всякий случай, военные. Официальные лица, которые должны были встречать вернувшихся астронавтов на космодроме, теперь наблюдали за приземлившимся звездолетом из бункера.

Наконец люк корабля открылся, и на землю спустился трап. Некоторое время больше ничего не происходило, словно прибывшие не хотели выходить наружу. А затем... затем на трапе показалось существо, которое было кем угодно, только не человеком.

Округлая комковатая масса цвета сырого мяса была водружена на два десятка длинных суставчатых ног, росших из нее по периметру - в полностью расправленном состоянии они, вероятно, достигали двух метров. А между этими ногами прямо из мягкого брюшка свисало нечто, более всего похожее на гротескно раздутое, перевернутое вниз головой тело младенца от пояса до макушки с полностью содранной кожей. В опухшем багровом личике зияли три темные круглые дыры - две нижние были, предположительно, глазами, а верхняя, более крупная - ртом. Эта жуткая маска была застывшей, лишенной какой-либо мимики. Зато на месте рук шевелились какие-то обрубки с толстыми червеобразными отростками на концах.

- Так, значит, это и есть... - пробормотал один из чиновников, глядя на экран без всякого восторга.

- Никакой ксенофобии! - строго напомнил его шеф, председатель Международной комиссии по контакту. - Да, видимо, они привезли с собой селестианскую делегацию. Хм... вообще-то это не входило в планы...

Экипаж "Дружбы" должен был, разумеется, передать селестианам приглашение прибыть на Землю с ответным визитом - но предполагалось, что те прилетят на собственном корабле. (Необходимыми знаниями для этого инопланетяне точно располагали - соответствующие формулы содержались в Послании на случай, если его получатели не умеют строить собственные гипердвигатели, хотя земляне к тому времени уже умели.) На самой "Дружбе" для двух делегаций, да еще и столь разных видов, было слишком мало места, мебель, питание и все прочее было рассчитано только на людей, и к тому же на чем бы тогда селестиане вернулись домой? Но, видимо, братьям по разуму уж очень не терпелось посетить родину людей...

- Надо срочно организовать им встречу на должном уровне, - резюмировал председатель, имея в виду, конечно, уровень более высокий, чем тот, что планировался просто для чествования вернувшихся землян. - С привлечением, как минимум, министров.

Но, не успел он сказать что-либо еще, как следом за первым инопланетянином появился второй.

На первого он не походил ничем. Он прополз между ногами своего предшественника, вертя клювастой головой на змеином теле, из спины которого торчали пучки шевелящихся щупалец, соскользнул с трапа на горячий бетон и свернулся спиралью в тени одной из

посадочных опор. Следом из люка мощным прыжком вылетело нечто вроде покрытого щетиной кузнечика размером с пони. Затем по трапу скатился чешуйчатый шар, развернувшийся в многоножку с клешнями вместо ног. Затем прошлепала шестиногая рогатая жаба с обвислыми усами, придававшими ее пурпурной физиономии печальное выражение. Затем...

- Да к нам, похоже, явились делегаты с половины Галактики, - произнес потрясенно председатель комиссии. - Министрами тут уже не отделаешься, тут нужно собирать глав государств... Но где же экипаж "Дружбы"?

Ответа на этот вопрос все не было - зато все новые инопланетные существа выбирались из корабля, заполняя пространство под прозрачным куполом. Ни одно из них не походило на прочие - равно как и на человека. Ни на одном не было одежды - но это как раз никого не удивляло: то, что инопланетяне, и в особенности негуманоиды, ее не носят, давно (хотя и неизвестно, почему) стало клише в земной культуре... Наконец из люка выпорхнуло самое последнее, тридцатое по счету создание - это была четырехкрылая птица размером с макаку, точнее, даже пятикрылая, ибо ее длинный хвост вместо того, чтобы просто служить стабилизатором, совершал волнообразные движения, как у морских млекопитающих, по всей видимости, также помогая полету. Вместо клюва у птицы была широкая зубастая пасть, а выше в венчике белых перьев розовела лысая морщинистая макушка. Птица уселась прямо на развесистые рога печальной жабы, чуть покачалась, устраиваясь поудобнее, моргнула своими четырьмя глазами и заговорила по-английски. Произношение было не слишком чистым, с раскатистым "р" и подвывающим "у", но грамматика правильной.

- Дор-рогие земляне! Мы счастливы пр-риветствовать вас от имени цивилизации Вуухлуувгхлы, - вот, видимо, как правильно произносилась "Селеста". - Вы уже тринадцатая цивилизация, с которой мы вступаем в контакт, и, надеемся, вам будет приятно узнать, что число "тринадцать" традиционно считается счастливым в нашей культуре! Благодарим вас за представителей вашего животного мира, которых вы любезно прислали нам для изучения. Заверяем вас, что после анатомирования и препарирования фрагменты их тел украсили лучшие научные музеи и учебные центры нашей планеты! К сожалению, для нас осталось непонятным, почему вы прислали нам представителей только одного биологического вида. Возможно, это единственный вид животных вашей планеты, обладающий достаточными звукоподражательными способностями, чтобы воспроизводить речь разумных существ, и ваши обычаи предписывают передавать первое обращение именно таким образом. Чтобы уважить ваши обычаи, мы отвечаем вам тем же способом, однако посылаем вам для исследования животных тридцати разных видов, как способных, так и не способных к звукоподражанию. На момент отправки все они являются самцами; чтобы инициировать их смену пола, воздействуйте на них электрическими разрядами, увеличивая напряжение, пока не будет достигнут желаемый эффект. Насколько мы поняли, животные вашей планеты не обладают такой способностью, но, поскольку в нашем распоряжении были особи лишь одного вида, просим это уточнить. Поначалу нам также было не совсем понятно, почему присланные вами животные были облачены в одеяния, носящие, по всей видимости, декоративный характер и, соответственно, являющиеся исключительным атрибутом разумных существ - но мы пришли к выводу, что таким образом вы проверяли наличие у нашей цивилизации чувства юмора. Мы, конечно же, далеки от мысли, будто вы всерьез пытались ввести нас в заблуждение. Как всем совершенно очевидно, никакое разумное существо в здравом уме не стало бы подвергать ни себя, ни других разумных бессмысленным рискам и тяготам космического полета. Ведь нет ничего ценнее жизни разумных существ, а любыми опасными работами должны заниматься роботы. Так что мы по достоинству оценили вашу шутку и с нетерпением ждем продолжения нашего научного сотрудничества!